

АВТОР «МАЛЬЧИКА В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ»

ДЖОН БОЙН

МАЛЬЧИК
НА
ВЕРШИНЕ
ГОРЫ

ОТ МАЛЬЧИКА В ПИЖАМЕ
К МАЛЬЧИКУ НА ГОРЕ

Джон Бойн

Мальчик на вершине горы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14520247
Мальчик на вершине горы: Фантом Пресс; Москва; 2015
ISBN 978-5-86471-716-5

Аннотация

Новый роман автора «Мальчика в полосатой пижаме». В Париже живет обычный мальчик Пьеро. Мама у него француженка, а папа – немец. Папа прошел Первую мировую и был навсегда травмирован душевно. И хотя дома у Пьеро не все ладно, он счастлив. Родители его обожают, у него есть лучший друг Аншель, с которым он общается на языке жестов. Но этот уютный мир вот-вот исчезнет. На дворе вторая половина 1930-х. И вскоре Пьеро окажется в Австрии, в чудесном доме на вершине горы. Пьеро теперь будет зваться Петер, и у него появится новый взрослый друг. У нового друга усы щеточкой, прекрасная дама по имени Ева и умнейшая немецкая овчарка Блонди. Он добрый, умный и очень энергичный. Только почему-то прислуга до смерти его боится, а гости, бывающие в доме, ведут разговоры о величии Германии и о том, что всей Европе пора узнать об этом.

Пронзительный, тревожный и невероятно созвучный нашему времени роман, ставший, по сути, продолжением «Мальчика в полосатой пижаме», хотя герои совсем иные.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джон Бойн

Мальчик на вершине горы

© Мария Спивак, перевод, 2015

© «Фантом Пресс», 2016

* * *

Моим племянникам Мартину и Кевину

Часть 1 1936

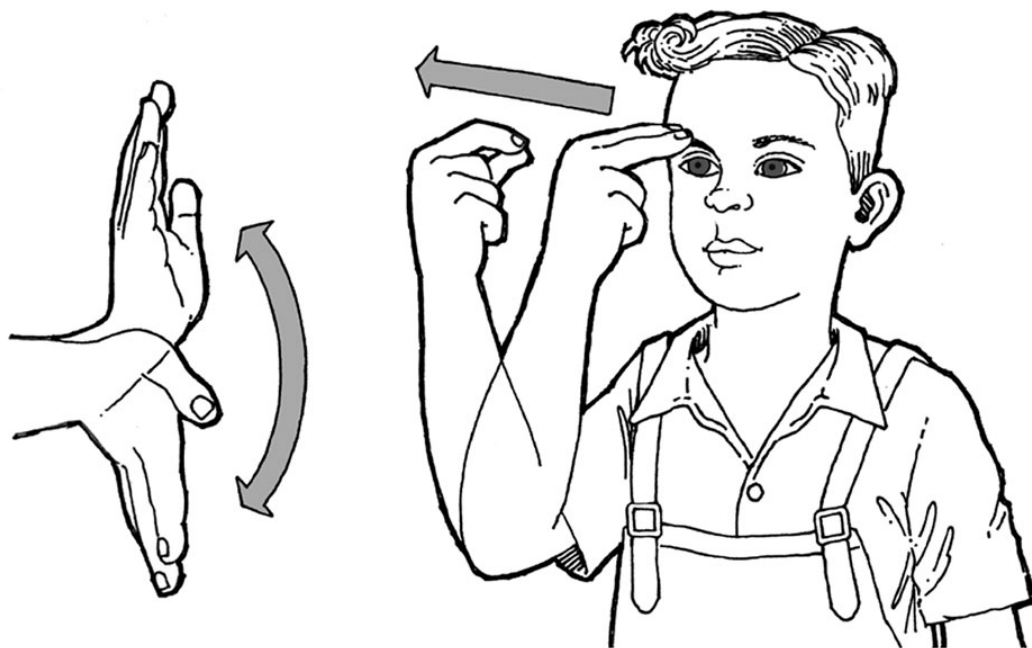
Глава 1 Три красных пятнышка на носовом платке

Хотя папа Пьеро Фишера погиб не на Великой войне, мама Эмили всегда утверждала, что именно война его и убила.

Пьеро был не единственный семилетний ребенок в Париже, у кого остался только один родитель. В школе перед ним сидел мальчик, который вот уже четыре года не видал матери, сбежавшей с продавцом энциклопедий, а главный драчун и задира класса, тот, что обзывал миниатюрного Пьеро Козьявкой, вообще обретался у бабки с дедом в комнатке над их табачной лавкой на авеню де ла Мот-Пике и почти все свободное время торчал у окна, бомбардируя прохожих воздушными шариками с водой и наотрез отказываясь признаваться в содеянном.

А неподалеку, на авеню Шарль-Флоке, в одном доме с Пьеро, но на первом этаже, жил его лучший друг Аншель Бронштейн с мамой, мадам Бронштейн, – папа у них утонул два года назад при попытке переплыть Ла-Манш.

Пьеро и Аншель появились на свет с разницей в неделю и выросли практически как братья – если одной маме нужно было вздремнуть, другая присматривала за обоими. Но в отличие от большинства братьев мальчики не ссорились. Аншель родился глухим, и друзья с малых лет научились свободно общаться на языке жестов, взмахами ловких пальчиков заменяя слова. Они и вместо имен выбрали себе особые жесты. Аншель присвоил Пьеро знак собаки, поскольку считал его и добрым, и верным, а Пьеро Аншелю, самому, как все говорили, сообразительному в классе, – знак лисы. Когда они обращались друг к другу, их руки выглядели так:

Они почти всегда были вместе, гоняли футбольный мяч на Марсовом поле, вместе учились читать и писать. И до того крепка стала их дружба, что, когда мальчики немного подросли, одному лишь Пьеро Аншель разрешал взглянуть на рассказы, которые писал по ночам у себя в комнате. Даже мадам Бронштейн не знала, что ее сын хочет стать писателем.

Вот это хорошо, протягивая другу стопку бумаг, показывал Пьеро; его пальцы так и порхали в воздухе. *Мне понравилось про лошадь и про золото, которое нашлось в гробу. А вот это так себе*, продолжал он, отдавая вторую стопку. *Но только из-за твоего ужасного почерка, я не все сумел разобрать... А это*, заканчивал Пьеро, размахивая третьей стопкой, как флагом на параде, *это полная чушь. Это я бы на твоем месте выкинул в помойку.*

Я хотел попробовать что-то новое, показывал Аншель. Он ничего не имел против критики, но не понравившиеся рассказы защищал порою довольно яростно.

Нет, возражал Пьеро, мотая головой. *Это чушь. Никому не давай читать, не позорься. Подумают еще, что у тебя шарики за ролики заехали.*

Пьеро тоже привлекала идея стать писателем, но ему не хватало терпения сидеть часами, выводя букву за буквой. Он предпочитал устроиться на стуле перед Аншелем и, бурно жестикулируя, выдумывать что-нибудь на ходу или описывать свои школьные эскапады. Аншель внимательно смотрел, а после, у себя дома, перекладывал его рассказы на бумагу.

– Так это я написал? – спросил Пьеро, впервые получив и прочитав готовые страницы.

– Нет, написал я, – ответил Аншель. – Но это твой рассказ.

Эмили, мать Пьеро, уже редко упоминала в разговорах отца, хотя мальчик думал о нем постоянно. Еще три года назад Вильгельм Фишер жил с семьей, но в 1933-м, когда Пьеро было почти пять лет, уехал из Парижа. Пьеро помнил, что отец был высокий и носил его по улице на плечах, а еще умел ржать как лошадь и временами даже пускался в галоп, отчего Пьеро непременно заходился в восторженном визге. Отец учил мальчика немецкому языку, чтобы тот «не забывал свои корни», и всячески помогал осваивать пианино; правда, Пьеро хорошо понимал, что по части исполнительского мастерства и в подметки папе не годится. Тот своими народными мелодиями часто доводил гостей до слез, особенно если еще и подпе-

вал негромким, но приятным голосом, в котором звучали печаль и тоска по прошлому. Пьеро нехватку музыкальных талантов компенсировал способностями к языкам: он без труда переключался с папиного немецкого на мамин французский.

А коронным его номером было исполнение «Марсельезы» по-немецки и тотчас – «Германия превыше всего» по-французски, правда, гостей это иногда огорчало.

– Больше, пожалуйста, так не делай, Пьеро, – попросила мама однажды вечером, когда его выступление привело к недоразумению с соседями. – Если хочешь быть артистом, научись чему-то другому. Жонглируй. Показывай фокусы. Стой на голове. Что угодно, только не пой по-немецки.

– А что плохого в немецком? – удивился Пьеро.

– Да, Эмили, – подхватил папа, который весь вечер просидел в кресле в углу, выпил слишком много вина и, как обычно, впал в хандру, вспомнив о всех тех ужасах, что вечно были при нем, не оставляли, преследовали. – Что плохого в немецком?

– Тебе не кажется, что уже хватит, Вильгельм? – Мама повернулась к нему, сердито подбоченясь.

– Хватит чего? Хватит твоим друзьям оскорблять мою страну?

– Никто ее не оскорблял, – отрезала мама. – Просто люди никак не могут забыть войну, вот и все. Особенно те, чьи любимые так и остались лежать на полях сражений.

– Но при этом они вполне могут приходить в мой дом, есть мою еду и пить мое вино?

Папа дождался, пока мама уйдет на кухню, позвал Пьеро и обнял его, привлекая к себе.

– Настанет день, и мы вернем свое, – твердо сказал он, глядя мальчику прямо в глаза. – И тогда уже не забудь, на чьей ты стороне. Да, ты родился во Франции и живешь в Париже, но ты немец до мозга костей, как и я. Помни об этом, Пьеро.

Иногда папа просыпался среди ночи от собственного крика, его вопли эхом носились по пустым и темным коридорам квартиры. Песик Пьеро по кличке Д'Артаньян в ужасе выскакивал из своей корзинки, взлетал на кровать и, дрожа всем тельцем, ввинчивался к хозяину под одеяло. Тот натягивал одеяло до подбородка и сквозь тонкие стенки слушал, как мама успокаивает папу, шепчет: *все хорошо, ты дома, с семьей, это просто дурной сон.*

– Да, только это не сон, – ответил как-то отец дрожащим голосом, – а гораздо хуже. Воспоминания.

Бывало, что ночью Пьеро по пути в туалет видел из коридора: отец сидит на кухне, уронив голову на деревянный стол, и еле слышно что-то бормочет, а рядом валяется пустая бутылка. Тогда мальчик хватал бутылку и босиком несся вниз, во двор, и выбрасывал бутылку в мусорный бак, чтобы мама наутро ее не нашла. И обычно, когда он возвращался, папа каким-то образом уже оказывался в постели.

На следующий день ни отец, ни сын словно бы ничего не помнили.

Но однажды Пьеро, спеша во двор со своей ночной миссией, поскользнулся на мокрой лестнице и упал; не ушибся, но бутылка разбилась, и, вставая, он наступил левой ногой на острый осколок. Морщась от боли, Пьеро вытащил стекляшку, однако из пореза так и хлынула кровь; он допрыгал до квартиры, стал искать бинт, и тут проснулся папа и понял, чему стал виной. Продезинфицировав и тщательно забинтовав рану, он усадил сына перед собой и попросил прощения за то, что столько пьет. Затем, утирая слезы, сказал Пьеро, что очень его любит и подобных историй больше не допустит.

– Я тоже тебя люблю, папа, – ответил Пьеро. – Но я люблю, когда ты катаешь меня на плечах, как лошадка. И не люблю, когда ты сидишь на кухне и не хочешь разговаривать ни со мной, ни с мамой.

– Я тоже этого не люблю, – пробормотал папа. – Но иногда меня как будто бы накрывает черная туча, из которой мне никак не выбраться. Потому я и пью. Чтобы забыть.

– Что забыть?

– Войну. Что я там видел. – Он закрыл глаза и прошептал: – Что я там делал.

Пьеро слотнул и спросил, хотя ему уже и не хотелось знать:

– А что ты там делал?

Папа печально улыбнулся.

– Неважно что, главное – на благо своей страны, – сказал он. – Ты ведь понимаешь, да?

– Да, папа. – На самом деле Пьеро не очень-то понимал, о чем речь, но папа должен знать, какой он отважный. – Я тоже стану солдатом, чтобы ты мной гордился.

Отец посмотрел на сына и положил руку ему на плечо.

– Главное – правильно выбрать сторону, – изрек он.

И почти на два месяца забыл о бутылке. А потом столь же стремительно, как и бросил, – вернулась черная туча – запил снова.

Папа работал официантом в местном ресторанчике, уходил по утрам около десяти, возвращался в три и снова уходил уже к вечерней смене. Однажды он вернулся в прескверном настроении и сказал, что к ним зашел пообедать некий Папаша Жоффре, причем уселся за его столик; папа не собирался его обслуживать, но хозяин, мсье Абрахамс, пригрозил: тогда, дескать, уходи и можешь не возвращаться.

– А кто такой Папаша Жоффре? – спросил Пьеро. Он прежде не слышал этого имени.

– В войну он был великим генералом, – ответила мама, вынимая из корзины груды белья и укладывая ее рядом с гладильной доской. – Наш герой.

– *Ваш* герой, – уточнил папа.

– Не забывай, что ты женат на французенке. – Мама ожгла его сердитым взглядом.

– Да, причем по любви, – отозвался папа. – Пьеро, я тебе не рассказывал, как впервые увидел маму? Года через два после Великой войны. Договорился встретиться с сестрой в ее обеденный перерыв. Сестра работала в магазине, я зашел за ней и увидел, что она разговаривает с новой помощницей. Та ужас до чего стеснялась – всего неделю как поступила на службу. Я только глянул на нее и сразу понял: вот моя будущая жена.

Пьеро улыбался; он любил, когда отец рассказывал такие истории.

– И вот открыл я рот, а сказать ничего не могу. Мозги как будто отключились. Стою, пялюсь на нее и молчу.

– Я думала, с ним удар. – Мама тоже улыбнулась воспоминаниям.

– Беатрис пришлось потрясти меня за плечи, – сказал папа и расхохотался над собственной глупостью.

– Если бы не твоя сестра, я бы ни за что не пошла на свидание с тобой, – прибавила мама. – А она мне говорит: лови момент. Он, мол, не такой болван, каким кажется.

– А почему мы не видимся с тетей Беатрис? – спросил Пьеро. За жизнь он несколько раз слышал ее имя, но никогда не встречал. Она не приезжала в гости и не писала им.

– Не видимся, и все, – отрезал папа. Его лицо изменилось, улыбка пропала.

– Но почему?

– Не приставай, Пьеро, – прикрикнул он.

– Да, Пьеро, не приставай, – повторила мама, и ее лицо тоже затуманилось. – Потому что у нас так принято. Мы гоним тех, кого любим, не говорим о важных вещах и ни от кого не принимаем помощи.

И вот так, в мгновение ока, хорошее настроение оказалось испорчено.

– Он жрет как свинья, – сказал папа через пару минут, присев на корточки и заглядывая Пьеро в глаза. Потом скрючил пальцы, изображая когти. – Папаша Жоффре, в смысле. Как крыса, которая вгрызается в кукурузный початок.

Папа бесконечно жаловался на низкую зарплату, на мсье и мадам Абрахамс, якобы разговаривающих с ним свысока, на парижан, которые с каждым днем все больше скупятся на чаевые.

– Потому у нас денег и нет, – ворчал он. – Кругом одни скопидомы. Особенно евреи – те вообще жмотье. А у нас в ресторане их вечно битком. Потому что во всей Западной Европе, видите ли, никто, кроме мадам Абрахамс, не умеет так готовить латкес и фаршированную рыбу.

– Аншель еврей, – тихо заметил Пьеро. Он часто видел, как его друг с матерью по воскресеньям идут в храм.

– Что ж, встречаются среди них и хорошие, вот Аншель, к примеру, – пробормотал папа. – Знаешь поговорку: в каждом стаде найдется хоть одна паршивая овца. Ну а тут наоборот.

– Денег у нас нет, – перебила мама, – потому что ты все спускаешь на вино. И не надо плохо говорить о соседях. Вспомни, как...

– Думаешь, я это купил? – Отец взял бутылку и показал матери этикетку – это домашнее вино подавали в ресторане мсье Абрахамса. – Твоя мать жуть какая наивная, – добавил он по-немецки, обращаясь к Пьеро.

Тот, вопреки всему, любил проводить время с отцом. Раз в месяц папа водил его в сад Тюильри и рассказывал, как называются деревья и другие растения, обрамляющие дорожки, объяснял, как они меняются от сезона к сезону. Дедушка и бабушка, говорил папа, были настоящие фермеры и неустанно возделывали землю.

– Но, понятное дело, всего лишились, – прибавлял он. – Хозяйство у них отобрали. Труд всей жизни насмарку. Они так и не оправились от удара.

По дороге домой он покупал мороженое у торговца на улице. Один раз Пьеро мороженое уронил, но папа отдал ему свое.

Именно такие моменты мальчик старался вспоминать, если дома случались скандалы. Несколько недель спустя у них в гостиной разгорелся спор; соседи (не те, которым не нравилось, что Пьеро поет «Марсельезу» по-немецки, а другие) завели беседу о политике. Голоса звучали все громче, на свет выволакивались старые обиды, и после ухода гостей родители поссорились.

– Если бы только ты перестал пить! – кричала мама. – Алкоголь превращает тебя в чудовище. Разве ты не понимаешь, что обижаешь людей?

– Я пью, чтобы забыть! – орал папа. – Ты не видела того, что видел я. У тебя эти картины не мелькают перед глазами днем и ночью.

– Но это же было так давно. – Эмили шагнула к нему, хотела взять за руку. – Пожалуйста, Вильгельм. Я знаю, как тебе тяжело, но, может быть, это оттого, что ты не хочешь разумно все обсудить. Если бы ты разделил со мной свою боль... Маме не удалось договорить, потому что в следующий миг папа совершил очень-очень плохой поступок. Такое впервые случилось три-четыре месяца назад, и папа клялся, что это не повторится, но с тех пор уже трижды нарушал обещание. А мама Пьеро, хоть и очень страдала, всегда находила мужу оправдания.

– Ты не должен его осуждать, – сказала мама, обнаружив, что сын, видевший отвратительную сцену, рыдает у себя в комнате.

– Но он тебя обижает. – Пьеро поднял на нее заплаканные глаза. Д’Артаньян с кровати смотрел то на него, то на Эмили, а потом прыгнул и уткнулся носом в бок сидящему на полу хозяину; песик всегда знал, когда Пьеро плохо.

– Он болен. – Эмили потрогала щеку. – А любимым людям во время болезни обязательно нужно помогать, пока они не выздоровеют. Если они принимают нашу помощь. А если нет... – Она глубоко вздохнула и продолжила: – Пьеро... как ты отнесешься к тому, что мы уедем?

– Все вместе?

Она покачала головой:

– Нет. Только ты и я.

– А папа?

Мама вздохнула. Пьеро видел, как ее глаза медленно наполняются слезами.

– Я знаю одно, – проговорила она. – Дальше так продолжаться не может.

В последний раз Пьеро, которому недавно исполнилось четыре, видел отца в мае, как-то вечером. Было тепло. На кухне опять валялись пустые бутылки, а папа кричал, бил себя ладонями по вискам и стонал: *они здесь, они всегда здесь, они придут и мне отомстят*. Пьеро совершенно ничего не понимал. Папа принялся без разбору хватать с буфета посуду и швырять на пол; тарелки, миски, чашки осколками брызгали в разные стороны. Мама, ломая руки, умоляла отца успокоиться, но он ударил ее в лицо, кулаком, и заорал пуще прежнего, причем что-то такое чудовищное, что Пьеро закрыл уши ладонями и вместе с Д’Артаньяном убежал к себе. Оба забились в шкаф. Пьеро колотила дрожь, но он старался не плакать, а песик, не выносивший криков и ссор, поскуливал и комком жался к хозяину. Пьеро сидел в шкафу очень долго, ждал, когда в доме стихнет, и только потом вылез. Отец куда-то исчез, а мама с измазанным кровью, сизым лицом неподвижно лежала на полу. Д’Артаньян осторожно приблизился и начал лизать ее в ухо, пытаясь разбудить, а Пьеро застыл и лишь с ужасом смотрел на мать. Собравшись с духом, он побежал к Бронштейнам и, не в силах ничего объяснить, показал наверх. Мадам Бронштейн, видно, слышала скандал, но боялась вмешаться, а сейчас кинулась на второй этаж, перепрыгивая через две-три ступени. Пьеро между тем глядел на своего друга, и один мальчик не мог говорить, а другой – слышать; и Пьеро жалел, что не может сбежать из своего мира в чужой и там получить хоть какое-то облегчение.

Несколько месяцев от папы не было известий. Пьеро очень хотел и одновременно очень страшился его возвращения, но однажды утром им с мамой сообщили, что Вильгельм упал под поезд, следовавший из Мюнхена в Пензберг – в город, где отец родился и провел детство. Пьеро скрылся в своей комнате, запер дверь, поглядел на собаку, дремавшую на кровати, и необычайно спокойно произнес: – Папа теперь смотрит на нас сверху, Д’Артаньян. И он еще обязательно будет мной гордиться, обещаю.

Мсье и мадам Абрахамс предложили Эмили место официантки, что, по словам мадам Бронштейн, было вовсе не так уж и кошерно: ведь ей отдавали работу ее же покойного супруга. Но мама, понимая, что без денег не прожить, с благодарностью согласилась.

Ресторанчик находился на полдороге от дома до школы¹, поэтому всю вторую половину дня Пьеро читал или рисовал в комнатке на нижнем этаже ресторана.

¹ Во Франции дети ходят в школу с 3–4 лет, на самом деле это не школа, а разновидность детского сада. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Служащие приходили и уходили, отдыхали там в свой перерыв, сплетничали о посетителях, старались развлечь Пьеро. Мадам Абрахамс обязательно приносила ему тарелку с блюдом дня и креманку мороженого на десерт.

Три года Пьеро едва ли не жил в этой комнатке. Мама наверху обслуживала столики, а он, хоть никогда и не говорил об отце, думал о нем каждый день, представлял: вот папа стоит здесь, вот переодевается утром в униформу, вот подсчитывает вечером чаевые.

Много позже, оглядываясь на свое детство, Пьеро не знал, что и думать, настолько все казалось противоречиво. Да, он страшно тосковал по отцу, но у него было много друзей, ему нравилась школа, и с мамой они жили душа в душу. Париж процветал, улицы кишели народом, пульсировали энергией.

Но в 1936 году день рождения Эмили, обещавший много веселья, обернулся трагедией. Вечером мадам Бронштейн и Аншель поднялись к ним с маленьким тортом, чтобы поздравить новорожденную, и Пьеро с другом жевали уже по второму куску, когда вдруг ни с того ни с сего мама раскашлялась. Вначале Пьеро подумал, что она подавилась тортом, но кашель не унимался. Мадам Бронштейн принесла стакан воды, мама попила и вроде бы затихла, но глаза у нее оставались красными, и она прижимала руку к груди, словно там что-то болело.

– Все хорошо, – сказала она, едва задышав нормально. – Простыла, видно.

– Но, милая... – Мадам Бронштейн, побледнев, показала на льняной платок в руках Эмили.

Пьеро глянул и раскрыл рот: в центре платка алели три пятнышка крови. Мама уставилась на них, а потом, скомкав платок, сунула его в карман. Осторожно взялась за подлокотники, встала с кресла, оправила платье и криво улыбнулась.

– Эмили, с тобой точно все в порядке? – спросила мадам Бронштейн, тоже встав, и мама Пьеро поспешно кивнула.

– Пустяки, – ответила она. – Ангина, наверное. Вот только я немножко устала, мне надо бы поспать. Огромное спасибо за торт и что вы обо мне вспомнили, но если вы с Аншелем не возражаете...

– Конечно, конечно. – Мадам Бронштейн, подталкивая Аншеля в спину, заторопилась к двери. Раньше Пьеро не замечал за ней такой прыти. – Если что понадобится, топни пару раз, я тотчас прибегу.

В тот вечер и еще несколько дней мама не кашляла, но вскоре, обслуживая посетителей, почти потеряла сознание, и ее принесли вниз, туда, где Пьеро играл в шахматы с одним официантом. Лицо матери было серым, и платок не в пятнышках крови, как раньше, а красный весь. Пот тек по лбу, по щекам; доктор Шибо, едва взглянув на больную, вызвал «скорую». Уже через час мама лежала на койке в больнице Отель-Дье де Пари, и врачи, осматривая ее, тревожно перешептывались.

Ночь Пьеро провел у Бронштейнов, влетом в кровати с Аншелем, а Д'Артаньян посапывал на полу. Пьеро умирал от страха и очень хотел обо всем поговорить с другом, но в темноте от его блестящего знания языка жестов не было никакого проку.

Неделю он ежедневно навещал маму, и с каждым разом ей дышалось все труднее. В воскресенье он был с ней один, когда ее дыхание начало замедляться, а потом и вовсе остановилось. Пальцы, сжимавшие ладошку сына, обмякли; глаза сделались неподвижны, а голова соскользнула с подушки. Пьеро понял, что мама умерла.

Пару минут он сидел абсолютно неподвижно. Затем встал, бесшумно задернул вокруг койки занавески, снова сел на стул, схватился за руку матери и держал крепко-крепко, не отпуская. Наконец пришла пожилая медсестра, сразу все поняла и сказала, что умершую следует перенести в другое место, подготовить для похорон. Услышав это, Пьеро разрыдался, и ему казалось, что слезы будут литься вечно. Он цеплялся за тело матери; мед-

сестра его утешала. Он плакал долго и никак не мог успокоиться, а затихнув, почувствовал, что внутри у него как будто бы все сломалось. Так больно ему еще не бывало ни разу.

– Пусть с ней останется вот это. – Пьеро вынул из кармана папину фотокарточку и положил на кровать рядом с мамой.

Медсестра кивнула и пообещала проследить, чтобы снимок не потерялся.

– Надо кому-нибудь позвонить? У тебя есть родные? – спросила она.

– Нет, – замотав головой, ответил Пьеро. Он очень боялся посмотреть ей в глаза и увидеть там жалость или безразличие. – Никого нет. Только я. Я теперь один.

Глава 2

Медаль в шкафу

Симона и Адель Дюран родились с разницей в год, никогда не были замужем и чудесно уживались друг с другом, несмотря на крайнюю непохожесть.

Симона, старшая, удивительно рослая, точно башня возвышалась почти над всеми мужчинами. Настоящая красавица, смуглая, с глубокими карими глазами и артистической душой, она, казалось, не знала большего счастья, чем сидеть часами за пианино и наслаждаться музыкой, забыв обо всем на свете. Адель, желтовато-бледная, низенькая, толсто-задая, при ходьбе переваливалась утицей и вообще изрядно напоминала эту птицу. Она была хлопотлива и, не в пример Симоне, общительна, однако по части музыки являла собой абсолютный ноль.

Сестры выросли в большом особняке милях в восьмидесяти к югу от Парижа, в городе Орлеане, с которого знаменитая Жанна д'Арк пятьсот лет назад сняла вражескую осаду. В раннем детстве девочки думали, что родились в самой многочисленной семье на всю Францию, поскольку в общих спальнях третьего, четвертого и пятого этажей их дома проживало почти пятьдесят детей возрастом от нескольких недель до семнадцати лет. Одни были добры, другие злы, третьи робки, четвертые драчливы, но всех объединяло одно: они были сироты. До второго этажа, где располагалась квартира семьи Дюран, детские голоса и топот доносились постоянно – вечером, когда воспитанники болтали перед сном, и утром, когда они, повизгивая, босиком бегали по холодному мраморному полу. Симона и Адель жили с ними рядом, но как бы и в сторонке и, пока не подросли, толком не понимали, чем отличаются от этих ребят.

Мсье и мадам Дюран, мама и папа девочек, основали приют, едва поженившись, и заведовали им до самой своей смерти, чрезвычайно строго соблюдая правила приема, определявшие, кого следует брать, а кого нет. Потом родители умерли, и сестры продолжили семейное дело. Они полностью посвятили себя заботе о сиротах, но порядки коренным образом изменили.

– Мы рады принять любого ребенка, оставшегося без родных, – провозгласили они. – Цвет, раса, вероисповедание не имеют значения.

Симона и Адель ощущали себя единым целым, когда ежедневно шаг в шаг обходили территорию приюта, осматривали клумбы, отдавали распоряжения садовнику. Помимо внешности сестер отличало еще кое-что: Адель с утра до ночи, буквально с момента пробуждения и до отхода ко сну, не умолкала ни на секунду, а молчальница Симона говорила крайне редко и скупыми предложениями – каждое слово будто последний вздох.

Пьеро познакомился с сестрами Дюран через месяц после смерти матери. Он уезжал с вокзала Аустерлиц нарядный и в новехоньком шарфике, прощальном подарке мадам Бронштейн, купленном накануне днем в Галерее Лафайет. Аншель, его мама и Д'Артаньян пришли проводить Пьеро, а у того с каждым шагом сердце проваливалось куда-то все глубже и глубже. Ему было страшно и отчаянно одиноко, он тосковал по маме и жалел, что ему с собакой нельзя остаться у Бронштейнов. Он жил у них с самых похорон и каждую субботу наблюдал, как мадам Бронштейн с сыном отправляются в храм, а однажды даже попросился с ними, но мадам Бронштейн сказала, что сейчас не лучшее время, и предложила пойти погулять с Д'Артаньяном на Марсовом поле.

Шли дни. Как-то к вечеру мадам Бронштейн вернулась домой с приятельницей, и Пьеро услышал, что гостья говорит:

– А моя кузина усыновила гою, и он у них мигом прижился.

– Беда не в том, что он гой, Рут, – ответила мадам Бронштейн, – а в том, что мне денег не хватит. Их, по правде говоря, кот наплакал. Леви очень мало оставил. Я, конечно, держу марку, во всяком случае, стараюсь, но одинокой вдове в этом мире ой как непросто. А что у меня есть, я обязана тратить на Аншеля.

– Таки да, своя рубашка ближе к телу, – поддержала дама. – Но неужто не найдется кого-то, кто бы...

– Я старалась как могла. Поверь, кого вспомнила, со всеми поговорила. Кстати, ты, видимо, вряд ли?..

– Нет, прости. Времена тяжелые, ты верно заметила. И, кроме того, согласишься, евреям в Париже легче не становится. Мальчику лучше среди своих.

– Наверное, ты права. Конечно, не следовало и спрашивать.

– Очень даже следовало! Ты делаешь для него все, что в твоих силах. Уж такая ты. Мы такие. Но не выходит – значит, не выходит. Ну так что, ты скоро ему скажешь?

– Сегодня вечером, думаю. Ох, будет нелегко.

Пьеро вернулся в комнату Аншеля и задумался над непонятым разговором, потом отыскал в словаре слово «гой», но все равно не понял, к чему оно. Он долго сидел, перебрасывая в руках ермолку Аншеля, которую снял со спинки стула; позже, когда мадам Бронштейн пришла с ним поговорить, ермолка красовалась у него на голове.

– Сними! – прикрикнула мадам Бронштейн, сдернула ермолку и повесила обратно на спинку стула. Она впервые в жизни так резко разговаривала с Пьеро. – Этими вещами не шутят. Это тебе не игрушка, это святое.

Пьеро промолчал, но ему стало стыдно, и он встревожился. Его не берут в храм, ему не дают носить шапку друга; абсолютно ясно, что он здесь лишний. Чуть погодя, узнав, куда его отправляют, он убедился в этом окончательно.

– Мне очень жаль, Пьеро, – сказала мадам Бронштейн, закончив объяснения. – Но приют, я слышала, хороший. Уверена, тебе там понравится. И может быть, скоро тебя усыновят какие-нибудь милые люди.

– А Д'Артаньян? – спросил Пьеро и поглядел на песика, спавшего на полу.

– Мы о нем позаботимся, – заверила мадам Бронштейн. – Он ведь любит косточки, да?

– Он любит косточки.

– Ну так они бесплатные, спасибо мсье Абрахамсу. Пожертвую, говорит, несколько штук в день, очень уж мы с женой любили его маму.

Пьеро промолчал; он не сомневался, что, обернись все иначе, мама взяла бы к ним Аншеля. Хоть мадам Бронштейн об этом молчит, но дело, видно, в том, что он гой. Впрочем, сейчас Пьеро волновался о другом: что останется совсем без близких. Аншель и Д'Артаньян будут вместе, а он – один-одинешенек.

Надеюсь, я не забуду, как это делается, показал Пьеро. Они с другом стояли на платформе; мадам Бронштейн ушла покупать билет – туда, но не обратно.

Ты сказал, что надеешься не стать орлом, засмеялся Аншель и продемонстрировал, какими знаками следовало воспользоваться.

Вот видишь? – показал Пьеро, жалея, что не может подбросить все эти фигуры в воздух и поймать в правильном порядке. *Я уже забываю.*

Ничего подобного. Просто ты еще учишься.

Ты умеешь настолько лучше.

Аншель улыбнулся. *Приходится.*

Пьеро обернулся, услышав, что из клапанов поезда повалил пар; по ушам ударил пронзительный свист; кондуктор яростно призывал пассажиров на платформу. В животе у мальчика тревожно екнуло. Но к волнению, конечно, примешивалась и радость – предстояло

путешествие, а Пьеро в жизни еще не ездил на паровозе, – вот только хорошо бы поездка не кончалась. Он боялся того, что ждет его впереди.

Давай друг другу писать, Аншель, показал Пьеро. Нам нельзя теряться. Каждую неделю.

Пьеро показал лису, Аншель – собаку; они стояли, подняв руки, и символ вечной дружбы долго трепетал в воздухе. Мальчики хотели обняться на прощанье, но на платформе было полно народу. Они застеснялись и лишь обменялись рукопожатием.

– До свидания, Пьеро. – Мадам Бронштейн наклонилась его поцеловать, но поезд шумел, толпа ревела, и он ее почти не слышал.

– Это потому, что я не еврей, да? – спросил Пьеро, глядя ей прямо в лицо. – Вы не любите гоев и не хотите, чтобы они у вас жили.

– Что? – Женщина потрясенно выпрямилась. – Пьеро, с чего ты взял? Вот уж о чем я не думала! Но ты же умный мальчик. Ты наверняка заметил, как меняется отношение к евреям – как нас обзывают, как нас ненавидят.

– Но если б я был еврей, вы бы меня все-таки оставили, да? Я знаю, что оставили бы.

– Нет, Пьеро. Я забочусь о твоей безопасности и...

– По вагонам! – громко крикнул кондуктор. – Поезд отправляется! По вагонам!

– До свидания, Аншель. – Пьеро не желал больше слушать мадам Бронштейн и встал на подножку вагона.

– Пьеро! – закричала она. – Подожди, пожалуйста! Дай объяснить – ты все не так понял!

Но он не обернулся. Его жизнь в Париже подошла к концу, он понял это сейчас с поразительной ясностью. Закрыл дверь купе, сделал глубокий вдох и ступил навстречу новой судьбе.

Через полтора часа кондуктор похлопал Пьеро по плечу и показал в окно, на приближающиеся церковные колокольни.

– Ну-ка, – сказал он, тыча пальцем в бумажку, которую мадам Бронштейн приколотла мальчику к лацкану пиджака, написав на ней большими черными буквами его имя – ПЬЕРО ФИШЕР – и место назначения – ОРЛЕАН. – Твоя станция.

Пьеро испуганно сглотнул, достал из-под сиденья свой чемоданчик и прошел к двери. Поезд остановился. Пьеро ступил на платформу и подождал, пока рассеется пар; он хотел понять, встречает ли его кто-нибудь. Им вдруг овладела паника: что делать, если никого нет? Кто о нем позаботится? Ему, в конце концов, всего только семь, и у него нет денег на обратный билет. Что он будет есть? Где будет спать? Что вообще с ним станется?

Кто-то тронул его за плечо. Он поднял голову. Краснолицый мужчина сорвал бумажку с его лацкана и поднес близко к глазам, затем скомкал и выбросил.

– Тебе со мной, – объявил он и направился к возку с лошадью. Пьеро, застыв, смотрел ему вслед. – Шевелись, – поторопил мужчину, оборачиваясь и сурово глядя на него. – Тебе, может, время и не дорого, а мне так вот очень.

– Вы кто? – спросил Пьеро. Он не собирался никуда идти с каким-то незнакомцем – вдруг это фермер, которому не хватает людей собирать урожай, и Пьеро угодит к нему в рабство? У Аншеля был такой рассказ, и там все для всех закончилось очень плохо.

– Кто я? – переспросил мужчина и ухмыльнулся: ну, ты, мол, и нахал. – Я тот, кто отдубит тебе шкуру, если ты сию же минуту не сядешь куда сказано.

Пьеро вытаращил глаза: не пробыл в Орлеане и двух минут, а ему уже угрожают расправой. Он в ужасе затряс головой и решительно сел на чемодан.

– Извините, – сказал. – Но мне велели никуда не ходить с незнакомыми людьми.

– Не бойсь, скоро познакомимся. – И мужчина снова ухмыльнулся. Лицо его немного смягчилось. Ему было около пятидесяти, и он слегка напоминал мсье Абрахамса, хозяина кафе, – вот только не брился уже дней пять и одет был в разномастные лохмотья. – Ты ведь Пьеро Фишер, верно? Хотя неважно, все одно у тебя на бирке так написано. Меня сестры Дюран за тобой прислали. Звать меня Юпер. Я сестрицам по хозяйству помогаю. Иногда встречаю новых ребяташек на станции. Ну, тех, которые в одиночку путешествуют.

– А, – Пьеро встал, – я думал, они меня сами встретят.

– Ага, а мелкотню свою, отродье сатанинское, оставят заправлять приютом? Это вряд ли. Не то к возвращению камня на камне не найдут. – Юпер шагнул назад, поднял чемодан Пьеро и заговорил уже по-другому: – Слушай, бояться тебе там нечего. Место хорошее. Женщины они добрые, две их. Ну так что – едешь со мной иль как?

Пьеро огляделся. Поезд ушел, и вокруг на целые мили не было решительно ничего, одни поля. Похоже, выбора нет.

– Ладно, – согласился он.

Не прошло и часа, как Пьеро очутился в аккуратном и строгом кабинете, из двух огромных окон которого открывался вид на ухоженный парк. Сестры Дюран внимательно изучали мальчика с головы до ног – точно на ярмарке, подумывая его купить.

– Сколько тебе лет? – осведомилась Симона, поднося к глазам очки на шнурке. Глянула и разжала пальцы – очки повисли на шее.

– Семь, – ответил Пьеро.

– Не может быть, ты слишком маленький.

– Я всегда был маленький, – сказал Пьеро. – Но у меня есть план подрасти.

– Да? – с сомнением обронила Симона.

– Какой чудный возраст, семь лет. – Адель сцепила пальцы и залучилась улыбкой. – Дети в это время такие счастливые, так полны интереса к жизни.

– Милая, – перебила Симона, касаясь руки сестры, – у ребенка совсем недавно умерла мама. Сомневаюсь, что он лопается от счастья.

– О, конечно, конечно, разумеется, – сразу посерьезнев, затараторила Адель. – Сейчас ты в трауре. Это чудовищное испытание, потерять близкого человека. Чудовищное. Мы с сестрой понимаем тебя как никто. Я только хотела сказать, что, по-моему, мальчики в твоём возрасте очаровательны. Противными вы становитесь позже, лет в тринадцать-четырнадцать. Но с тобой, разумеется, этого не произойдет. Уверена, ты всегда будешь очень, очень, очень хорошим.

– Милая, – тихо повторила Симона.

– Ой, простите, – спохватилась Адель. – Я ужасно много болтаю, да? Но разрешите мне сказать следующее. – Она прокашлялась, как будто собираясь произносить речь перед целым залом крикливых фабричных рабочих. – Мы очень счастливы, что ты теперь с нами, Пьеро. У меня нет сомнений, что ты станешь чудесным добавлением к нашей, как мы здесь любим говорить, дружной семейке. И господи боже мой, ну разве ты не красавчик! Какие очаровательные голубенькие глазки! У меня раньше был спаниель вот точно с такими же вот глазками. То есть нет, я, конечно, не сравниваю тебя с собакой, боже упаси. Это было бы ужасно грубо. Я имела в виду, что ты мне его напомнил, вот и все. Симона, правда, глаза у Пьеро в точности как у Каспера?

Симона подняла бровь, внимательно оглядела мальчика и лишь тогда ответила:

– Нет.

– Ой, да ведь просто же один в один! – восторженно выкрикнула Адель. Пьеро заподозрил, что эта женщина всерьез думает, будто ее мертвая собака воскресла в человеческом облике. – Но давайте вернемся к главному. – Она напустила на себя строгий вид. – Мы с сестрой искренне скорбим о твоей дорогой мамочке. Такая молодая и, насколько мы знаем, так пре-

красно о тебе заботилась. И главное, после всего, что ей пришлось пережить, подумать только! Чудовищная несправедливость! Женщина, которой есть для чего жить, уходит в мир иной, и когда? Когда она больше всего нужна своему сыночку, бедняжка! Прямо скажу, я уверена, что мамочка тебя безумно любила. Ты согласна, Симона? Ты тоже думаешь, что мадам Фишер безумно любила Пьеро?

Симона подняла глаза от грессбуха, куда записывала рост и прочие физические параметры Пьеро.

– Полагаю, практически все матери любят своих детей. Вряд ли это стоит специального упоминания.

– А твой папочка, – продолжала Адель, – он умер несколько лет назад, верно?

– Да, – сказал Пьеро.

– И больше у тебя никого нет?

– Нет. Ну, то есть, у папы, кажется, есть сестра, но я с ней не знаком. Она к нам ни разу не приезжала. Может, она и вовсе про меня не знает, и про то, что родители умерли, тоже. У меня нет ее адреса.

– Ой, как жаль!

– А сколько мне здесь жить? – спросил Пьеро, вдруг заметив, что повсюду рисунки и фотографии. На письменном столе стоял снимок мужчины и женщины с хмурыми лицами, они сидели в креслах, отставленных далеко друг от друга. Видно, поссорились перед приходом фотографа, решил Пьеро. По их внешности он догадался, что это родители сестер. В противоположном углу стола располагалась еще одна фотокарточка в рамке – две маленькие девочки держали за руки мальчика чуть помладше. А на стене висел фотографический портрет юноши с похожими на карандашик усиками, одетого во французскую военную форму. Он был снят в три четверти и с очевидной тоской взирал через окно в сад.

– Многих наших сирот забирают в хорошие семьи буквально через месяц-другой после приезда. – Адель села на кушетку и жестом пригласила Пьеро сесть рядом. – Есть столько замечательных мужчин и женщин, которые мечтают о детках, но Господь не дарует им своего благословения; другие по доброте душевной готовы принять в семью еще одного братика или сестричку для своих малышей. Никогда не надо недооценивать человеческую доброту, Пьеро.

– А равно и жестокость, – пробормотала из-за стола Симона. Пьеро удивленно на нее глянул, но она не подняла глаз.

– Некоторые дети живут здесь всего пару дней или недель, – продолжала Адель, игнорируя реплику сестры. – Кто-то, конечно, подольше. Но однажды к нам привезли маленького мальчика примерно твоих лет, привезли утром, а к обеду уже забрали. Мы даже толком не успели с ним познакомиться, правда, Симона?

– Да, – буркнула Симона.

– Как его звали?

– Не помню.

– Ну, неважно, – сказала Адель. – Суть в том, что предугадать, кого и в какое время заберут, невозможно. Но это вполне может случиться с тобой, Пьеро.

– Сейчас пять часов, – ответил он. – День почти кончился.

– Я имела в виду, что...

– А скольких так и не усыновили? – спросил Пьеро.

– Хм? Что-что?

– Скольких так и не усыновили? – повторил он. – Сколько детей живут здесь, пока не вырастут?

– Ну, – улыбка Адель слегка поблекла, – трудновато с ходу взять и подсчитать. Это, разумеется, случается изредка, да-да, увы, случается, но я сильно сомневаюсь, что так будет

с тобой. Любая семья будет счастлива такому мальчику! Но давай пока об этом не думать. Сколько бы ты у нас ни пробыл, долго или коротко, мы постараемся, чтобы тебе было хорошо. Сейчас для тебя главное – освоиться на новом месте, обзавестись новыми друзьями, почувствовать себя дома. Ты, Пьеро, вероятно, слышал о приютах всякие плохие истории, потому что на свете много людей, которые любят рассказывать гадости, – а один нехороший англичанин, мистер Диккенс, своими романами вообще всем нам подпортил репутацию, – но будь спокоен: в нашем заведении ничего неподобающего не происходит. У нас все мальчики и девочки счастливы, а если тебе когда-нибудь станет страшно или одиноко, сразу найди меня или Симону, мы с радостью тебя утешим. Правда, Симона?

– Адель обычно довольно легко найти, – ответствовала старшая сестра.

– А где я буду спать? – спросил Пьеро. – У меня будет своя комната?

– О нет, – сказала Адель. – Даже у нас с Симоной нет своих комнат. Здесь ведь не Версальский дворец, ты же понимаешь! Нет, у нас в приюте общие спальни. Отдельно для мальчиков и для девочек, разумеется, на этот счет можешь не беспокоиться. В каждой спальне десять кроватей, но там, где поселишься ты, сейчас пока довольно свободно, ты станешь седьмым в комнате. Выбери любую пустую кровать. Одно условие: выбрал так выбрал, больше не меняй. Это очень все упрощает в день стирки. Ванну будешь принимать по средам вечером, хотя, – тут она наклонилась вперед и легонько нюхнула воздух, – нелишне было бы принять и сегодня, смыть пыль Парижа и грязь поезда. Ты для этого явно созрел, мой милый. Подъем у нас в шесть тридцать, потом завтрак, занятия, обед, еще занятия, игры, ужин и сон. Тебе у нас понравится, Пьеро, я уверена, что понравится. И мы приложим все усилия, чтобы найти для тебя замечательную семью. Вот видишь, какая чудная наша работа? Мы счастливы, что ты сейчас с нами, но будем счастливы вдвойне, если ты нас покинешь. Верно, Симона?

– Да, – кивнула та.

Адель встала и пригласила Пьеро следовать за собой, собираясь показать ему приют, но по дороге к двери он заметил, как в небольшом стеклянном шкафу что-то блеснуло, и подошел посмотреть. Прижал лицо к стеклу и, прищурившись, взгляделся в бронзовый кружок с фигуркой посередине, висящий на красно-белой ленте. К ленте был приколот бронзовый значок с надписью *Волонтер*. Внизу стояла свечка и еще одна небольшая фотография юноши с усиками; он улыбался и махал рукой из поезда, отъезжающего от станции. Пьеро сразу узнал платформу: та самая, куда его сегодня доставил парижский поезд.

– Что это? – Пьеро показал на медаль. – И кто это?

– Тебя не касается. – Симона тоже встала, и Пьеро, обернувшись, испугался ее сурового лица. – Это трогать нельзя, даже пальцем. Никогда! Адель, проводи его в спальню. Сейчас же, пожалуйста!

Глава 3

Письмо от друга и письмо от незнакомки

В приюте оказалось вовсе не так замечательно, как расписывала Адель Дюран. Кровати были жесткие, одеяла тонкие. Невкусной еды всегда давали с избытком, зато вкусной вечно не хватало.

Пьеро всячески старался обзавестись друзьями, но выяснилось, что и это нелегко. Воспитанники приюта хорошо знали друг друга, и новичка в компанию никто принимать не хотел. Любители книг не допускали Пьеро к своим дискуссиям, поскольку он не читал того же, что и они. Дети, уже много месяцев строившие миниатюрную деревню из деревяшек, собранных в лесу, опасались, что, коль скоро Пьеро не отличает уровень от рубанка, все их труды могут пойти насмарку, и отрицательно качали головами: мол, не хотим рисковать. А парни, которые каждый день после обеда играли во дворе в футбол и называли себя именами любимых игроков французской сборной – Куртуа, Маттлер, Дельфур, – однажды взяли Пьеро стоять на воротах, но его команда проиграла 0:11. И ему сказали, что он слишком маленький и не способен брать верховые мячи, а все другие позиции, увы, заняты.

– Прости, Пьеро, – пропели они без всякого сожаления.

Так что Пьеро водил компанию лишь с одной девочкой на пару лет старше себя. Ее звали Жозетт, и она попала в приют три года назад; ее родители погибли при крушении поезда под Тулузой. Жозетт дважды удочеряли, но после возвращали, как посылку, доставленную не по адресу, заявляя, что ее присутствие в доме «слишком разрушительно».

– Первые муж с женой были просто ужасные, – призналась она Пьеро, когда они как-то утром сидели под деревом, зарывшись ногами в траву, сыроватую от росы. – Причем не желали звать меня Жозетт. Всегда, видите ли, хотели дочку по имени Мария-Луиза. А вторая семейка просто решила обзавестись бесплатной служанкой. Там меня, как Золушку, с утра до ночи заставляли мыть полы и посуду. Ну я им и устраивала веселую жизнь, пока не отпустили. А вообще мне нравится у Симоны и Адель, – прибавила Жозетт. – Может, я и разрешу себя удочерить. Но не сейчас. Мне пока и здесь нормально. Самым противным человеком в приюте был Уго. Он жил здесь с рождения – уже одиннадцать лет – и из всех детей, состоявших на попечении сестер Дюран, считался самым главным и одновременно самым опасным. У него были волосы до плеч, и спал он в одной комнате с Пьеро, на соседней кровати. Пьеро горько жалел, что в день приезда выбрал именно это место: Уго храпел, да так оглушительно, что иной раз приходилось с головой накрываться одеялом, лишь бы заглушить этот безумный рев. Пьеро, в поисках выхода из отчаянного положения, пробовал даже затыкать уши комочками из газетной бумаги.

Симона и Адель не планировали отдавать Уго на усыновление, а потому, когда в приют приезжали супружеские пары, он не умывался, не переодевался в чистую рубашку и не шел улыбаться взрослым, как другие сироты, а оставался в своей комнате. В свободное время он обычно слонялся по коридорам и искал, кого бы обидеть. И естественно, маленький и худенький Пьеро стал для него идеальной мишенью.

Вариантов травли Уго знал несколько, и все не слишком оригинальные. Иногда он дожидался, пока Пьеро заснет, и макал его левую руку в миску с теплой водой – тогда с Пьеро случалось то, что вообще-то прекратилось годам к трем. А иногда придерживал за спинку стул, куда хотел сесть Пьеро, и вынуждал стоять, пока не рассердится учитель. В ванной Уго, бывало, утаскивал полотенце, и Пьеро, красному от стыда, приходилось голышом бежать в спальню, где мальчишки хохотали и показывали на него пальцем. Порою же Уго выбирал традиционный, проверенный временем способ: набрасывался из-за угла, хватал Пьеро за волосы, бил в живот и отпускал всего в синяках и порванной одежде.

– Кто это тебя? – спросила Адель, увидев, что Пьеро сидит у озера один и рассматривает ссадину на руке. – Чего я по-настоящему не терплю, Пьеро, так это драчунов.

– Не скажу, – ответил он, не отрывая глаз от земли. Не хотел быть доносчиком.

– Но ты должен, – настаивала Адель. – Иначе я не смогу тебе помочь. Это Лоран?

Он у нас уже попадался на таких делах.

Пьеро покачал головой:

– Нет, не Лоран.

– Тогда Сильвестр? От него хорошего не жди.

– Нет, – сказал Пьеро. – И не Сильвестр.

Адель отвела глаза и тяжело вздохнула.

– Уго, да? – произнесла она после долгой паузы, и по ее голосу Пьеро понял, что она так и думала с самого начала, но очень надеялась ошибиться.

Пьеро молчал, пинал носком ботинка камешки и смотрел, как они скатываются в воду.

– Можно я пойду в спальню?

Адель кивнула, и он, шагая через парк, спиной чувствовал ее взгляд.

Назавтра Пьеро и Жозетт ходили по двору и разыскивали семейство лягушек, которое повстречали дня три назад; Пьеро рассказывал про письмо от Аншеля, полученное утром.

– А о чем вы друг другу пишете? – заинтригованно спросила Жозетт. Сама она писем не получала.

– Ну, у него живет моя собака, Д’Артаньян, – ответил Пьеро, – так что Аншель пишет про него. А еще про то, что сейчас происходит в моем районе, там, где я вырос. Представляешь, там, оказывается, был бунт. Но я вообще-то рад, что этого не застал.

Жозетт неделю назад читала про бунт в газетной статье, где заявлялось, что евреям место исключительно на гильотине. Впрочем, почти все печатные издания проклинали жидов и советовали им проваливать куда подальше, и Жозетт такие воззвания алчно проглатывала.

– А еще он присылает свои рассказы, – продолжал Пьеро, – потому что он хочет стать...

Договорить не удалось. Из рощицы, потрясая палками, вышли Уго и два его приятеля, Жерар и Марк.

– Ой, кто это? – Уго, лыбясь, тыльной стороной ладони мазнул под носом, вытирая какую-то мерзость. – Счастливейшие наши супружники мсье и мадам Фишер?

– Отвали, Уго. – Жозетт попыталась обойти его, но он одним прыжком загородил ей дорогу и замотал головой, выставив перед собой палки крест-накрест.

– Это моя земля, – объявил он. – Хочешь пройти – плати пошлину.

Жозетт глубоко вздохнула: мол, удивительно, какие же придурки эти мальчишки, и сложила на груди руки. Она с вызовом смотрела прямо на Уго, отказываясь сдаваться. Пьеро, стоя сзади, сокрушался, и зачем их с Жозетт вообще сюда занесло.

– Хорошо, – сказала девочка. – Сколько?

– Пять франков, – ответил Уго.

– Запиши на мой счет.

– Тогда пойдут проценты. По франку за каждый день, пока не заплатишь.

– Отлично, – бросила Жозетт. – Сообщи, когда наберит миллион, я свяжусь со своим банком и прикажу перевести на твой счет.

– Что, думаешь, самая умная? – И Уго закатил глаза.

– Уж поумней тебя.

– Ага, щас.

– Точно умней. – Пьеро почувствовал, что надо что-то сказать, дабы не прослыть трусом.

Уго глянул на него, чуть заметно ухмыляясь.

– Защищаешь подружку, да, Фишер? Весь из себя такой влюбленный, да? – Он зачмокал губами, изображая поцелуи, потом повернулся к ним спиной, обхватил себя за бока и завозил руками вверх-вниз.

– Господи, вот же кретин, – проговорила Жозетт.

Пьеро не выдержал и расхохотался, хоть и знал, что не стоит провоцировать Уго – его и без того вечно красная физиономия от обиды побагровела еще сильнее.

– Но-но, не нарывайся, – Уго больно ткнул ее в плечо палкой, – забыла, кто тут главный?

– Ха! – вскричала Жозетт. – Думаешь, ты? Да кто позволит быть главным *какому-то* жиденку?

Уго мгновенно помрачнел, сконфузился, лоб его собрался морщинами.

– Ты чего? Это ж просто игра.

– Ты не умеешь играть, Уго, – отрезала девочка. – Но ты не виноват, верно? Такая уж у тебя натура. Свинья, она хрюкает, чего еще от нее ждать?

Пьеро нахмурился. Так Уго тоже еврей? Ему хотелось посмеяться вместе с Жозетт, но он вспомнил, как мальчишки в классе обзывали Аншеля и как это расстраивало беднягу.

Жозетт повернулась к приятелю:

– Знаешь, зачем ему длинные волосы, Пьеро? Чтобы рога прятать. Если его постричь, станет видно.

– Заткнись, – буркнул Уго, явно подрастеряв напор.

– А если он снимет штаны, мы и хвост увидим.

– Заткнись! – повторил Уго уже громче.

– Пьеро, ты спишь с ним в одной комнате. Когда он переодевался, ты видел хвост?

– Да, и он очень длинный и весь в чешуе. – Инициатива в разговоре явно перешла к Жозетт, и Пьеро осмелел. – Прямо как у дракона.

– Тебе вообще не стоило бы находиться с ним в одном помещении, – наставительно произнесла она. – С ними, знаешь, лучше вовсе не соприкасаться. Так все говорят. У нас в приюте их несколько штук. Надо их поселить отдельно. Или выслать.

– *Заткнись!* – взревел Уго и ринулся вперед.

Жозетт отскочила, Пьеро встал между ними, и Уго кулаком угодил ему прямо в нос. Раздался отвратительный хруст, Пьеро рухнул на землю, из его верхней губы хлынула кровь. Он взвыл: «Аааа!» Жозетт завопила, Уго разинул рот, а через мгновение его уже и след простыл, он исчез в лесу; Жерар и Марк бросились следом.

С лицом Пьеро творилось что-то странное. Причем не так чтобы совсем неприятное: ему вдруг показалось, что он вот-вот – и чихнет, со всей силы. Но в голове, где-то за глазами, уже пульсировала боль, а во рту внезапно все пересохло. Он посмотрел на Жозетт – та в ужасе глядела на него, прижав ладони к щекам.

– Ничего, ерунда, – пробормотал Пьеро, вставая. Правда, ноги почему-то отказывались его держать. – Царапина просто.

– Нет, не ерунда, – возразила Жозетт. – Надо срочно найти сестер.

– Ерунда, – повторил Пьеро и потрогал лицо – удостовериться, что все по-прежнему на месте, там, где положено быть. Потом взглянул на руку и весь содрогнулся: ладонь была красная. Тут же вспомнился мамин платок на дне рождения, тот тоже был залит кровью.

– Плохо дело, – прошептал он. Внезапно ноги его подкосились, лес закружился, и Пьеро потерял сознание.

И вдруг с удивлением обнаружил, что лежит на диване в кабинете сестер Дюран. Симона стояла у раковины и держала под краном фланелевую тряпицу, затем выжала ее и, лишь на секунду задержавшись, чтобы поправить фото на стене, подошла к Пьеро и положила мокрую тряпочку ему на переносицу.

– Очнулся, – констатировала она.

– Что произошло? – Пьеро приподнялся на локтях. Голова болела, во рту было сухо, а между бровями, там, куда ударил Уго, очень неприятно жгло.

– Нос не сломан. – Симона присела рядом. – Я подумала было, что сломан, но нет. Хотя, видимо, еще поболит, причем изрядно, а когда опухоль начнет спадать, под глазом нальется большой синяк. Если ты таких вещей боишься, в зеркало лучше пока не смотри.

Пьеро сглотнул и попросил воды. За все время в приюте он впервые слышал от Симоны столь длинную речь. Обычно-то слова от нее не дожدهшься.

– Я поговорю с Уго, – продолжала она. – Велю извиниться. И прослежу, чтобы больше с тобой ничего подобного не случилось.

– Это не Уго, – не слишком убедительно произнес Пьеро; несмотря на терзавшую его боль, он все-таки не хотел никого выдавать.

– Я знаю, что это он, – вздохнула Симона. – Во-первых, Жозетт сказала, а во-вторых, я бы и сама догадалась.

– За что он меня не любит? – глянув на нее, тихо спросил Пьеро.

– Ты не виноват, – ответила она. – Это мы во всем виноваты. Адель и я. Мы уж натворили дел. Много с ним допустили ошибок.

– Но вы же о нем заботитесь, – удивился Пьеро. – Как и обо всех нас. А мы вам даже не родственники. Ему бы спасибо сказать.

Симона постучала пальцами по боковине стула, словно бы взвешивая, стоит ли открывать секрет.

– По правде говоря, он именно что *родственник*, – поведала она. – Наш племянник.

Пьеро широко распахнул глаза:

– Да? Я не знал. Я думал, он сирота, как мы все.

– Его отец умер пять лет назад, – принялась рассказывать Симона. – А мать... – Она, дернув подбородком, смахнула слезу. – Мои родители обошлись с ней довольно-таки дурно. У них были нелепые, старомодные взгляды на жизнь. Они ее совершенно затретирировали, и она уехала. Но отцом Уго был наш брат Жак.

Пьеро глянул на снимок, где две девочки держали за руки маленького мальчика, и на фотопортрет мужчины с усиками карандашиком и во французской военной форме.

– А что с ним случилось? – спросил он.

– Он умер в тюрьме. Попал туда за несколько месяцев до рождения Уго. Так ребенка и не увидел.

Пьеро задумался. Он не знал никого, кто бы сидел в тюрьме. Но вспомнил, что читал про Филиппа, брата короля Людовика XIII, «Человека в железной маске», безвинно заточенного в Бастилию; самая мысль о подобной судьбе вызывала у Пьеро кошмары.

– А за что он попал в тюрьму?

– Наш брат, как и твой отец, сражался на Великой войне, – сказала Симона. – Потом, когда все кончилось, кто-то легко вернулся к нормальной жизни, но другие – по-моему, подавляющее большинство – не справлялись с воспоминаниями о том, чего навидались и что натворили. К счастью, нашлись отважные врачи, благодаря которым мир узнал, какие травмы оставили события двадцатилетней давности. Взять хотя бы работы французского доктора Жюлья Персуанна и англичанина доктора Алфи Саммерфилда. Они посвятили жизнь тому, чтобы донести до сознания широкой публики, насколько пострадало предыдущее поколение и как мы все обязаны им помогать.

– Мой папа тоже пострадал, – сообщил Пьеро. – Мама всегда говорила, что хоть он и не погиб на Великой войне, именно война его и убила.

– Да, – Симона кивнула, – я понимаю, что она имела в виду. То же было и с Жаком. Чудесный мальчик, жизнерадостный, веселый. Сама доброта. А вернулся совсем другим...

Полностью изменился. И совершал ужасные поступки. Но он с честью служил своей стране. – Она встала, прошла к застекленному шкафу, сняла с дверцы крючочек и достала бронзовый кружок, так завороживший Пьеро в день приезда. – Хочешь подержать? – Она протянула ему медаль.

Мальчик кивнул и осторожно взял ее, пробежал пальцами по выпуклой фигуре на аверсе.

– Он получил это за храбрость. – Симона забрала награду и повесила обратно в шкаф. – О чем ни в коем случае не следует забывать. Но после войны Жак в течение десяти лет не раз попадал в тюрьму. Мы с Адель часто его навещали, но нам все это было отвратительно. Видеть брата в бесчеловечных условиях и понимать, что страна, ради которой он пожертвовал душевным покоем, в грош его не ставит. Настоящая трагедия – и не только наша, а многих семей. Твоей тоже, Пьеро, – я права?

Он кивнул, но ничего не ответил.

– Жак умер в тюрьме, и с тех пор мы заботимся об Уго. Несколько лет назад мы рассказали ему, как наши родители обидели его мать, а наша страна – его отца. Возможно, он был слишком мал и надо было подождать, пока он повзрослеет. Его сейчас терзает злость, она требует выхода, и поэтому он, к сожалению, обижает других. Но не суди его слишком строго, Пьеро. У вас с ним много общего; думаю, потому он тебя и выбрал.

Пьеро задумался над ее словами и попробовал пожалеть Уго, но это оказалось непросто. Да, их отцы, как справедливо заметила Симона, прошли через одни и те же испытания, но *он* ведь не портит жизнь всем вокруг.

– Ну, во всяком случае, она кончилась, – сказал наконец Пьеро. – В смысле, война. Новой ведь не будет, нет?

– Надеюсь, – ответила Симона.

В это время дверь кабинета распахнулась и вошла Адель, потрясая письмом.

– Вот вы где! – воскликнула она, глядя то на сестру, то на мальчика. – Я вас обоих искала. Господи, что с тобой приключилось? – Она, нагнувшись, всмотрелась в разбитую физиономию Пьеро.

– Я подрался, – объяснил он.

– Победил?

– Нет.

– М-м. Не повезло. Но сейчас я тебя развеселю. Хорошие новости. Скоро ты нас покинешь.

Пьеро ошеломленно посмотрел на каждую из сестер по очереди:

– Меня хотят взять в семью?

– Не *просто* в семью, – с улыбкой сказала Адель. – В *твою* семью. Я имею в виду твою *родную* семью.

– Адель, может быть, объяснишь, в чем дело? – Симона взяла у сестры письмо и пробежала взглядом по надписям на конверте. – Австрия? – удивилась она, обратив внимание на марку.

– Это от его тети Беатрис, – ответила Адель, глядя на Пьеро.

– Но я с ней даже не знаком!

– Что же, а она про тебя все-все знает. Вот, прочти. Ей только недавно стало известно, что случилось с твоей мамой. И теперь она хочет, чтобы ты приехал к ней жить.

Глава 4

Путешествие на трех поездах

Когда Пьеро провожали из Орлеана, Адель дала ему сверток с бутербродами и велела не есть, пока голод совсем уж не одолеет, потому что это на всю дорогу, а ехать больше десяти часов.

– И вот еще, смотри: я тебе тут приколола названия всех трех станций, – добавила она и суетливо потерела бумажки, проверяя, надежно ли те прикреплены к лацкану пальто. – Внимательно следи за указателями на платформах. Как увидишь такое же название, как здесь, выходи и пересаживайся на следующий поезд.

– На-ка, – Симона достала из сумочки маленький аккуратный сверток в коричневой бумаге, – подарок. Поможет скоротать время в дороге. И будет тебе память о нас и о приюте.

Пьеро поцеловал каждую из сестер в щеку, поблагодарил за все и направился к поезду, выбрав купе, где уже сидела женщина с маленьким мальчиком. Пьеро занял место у окна. Дама глянула недовольно – видимо, рассчитывала, что они с сыном поедут одни, но ничего не сказала и снова уткнулась в газету, а мальчик взял с сиденья пакетик конфет и спрятал к себе в карман. Поезд тронулся. Пьеро помахал Симоне и Адель, а потом, скосив глаза, посмотрел на первую бумажку. Прочитал про себя: *Мангейм*.

Вчера он попрощался с друзьями, и, кажется, одна только Жозетт расстроилась, что он уезжает.

– А тебя точно не усыновляют? – спросила она. – Ты это не наврал специально, чтобы нас всех обнадежить?

– Нет, – заверил Пьеро. – Если хочешь, могу показать письмо тети.

– А как она тебя разыскала?

– Мама Аншеля разбирала вещи моей мамы и нашла адрес. И написала тете Беатрис про то, что случилось и где я сейчас, и дала адрес приюта.

– И теперь она хочет тебя забрать к себе?

– Да, – сказал Пьеро.

Жозетт с сомнением хмыкнула.

– Она замужем?

– По-моему, нет.

– Чем же она занимается? Кем работает?

– Она экономка.

– *Экономка?* – удивилась Жозетт.

– Да. А что тут плохого?

– *Плохого* тут ничего, *per se*², – процедила девочка, найдя наконец повод употребить выражение из одной книжки, которое давно жгло ей язык. – Она, конечно, *трудится на капиталистов*, но ты не виноват, что тут поделаешь? А что там за семья – у кого она служит?

– Это не семья, – ответил Пьеро. – Всего лишь один мужчина. И он согласен меня принять при условии, что я не буду шуметь. Тетя говорит, он не часто бывает в доме.

– Что же. – Жозетт старательно напускала на себя равнодушный вид, хотя на самом деле очень хотела уехать вместе с приятелем. – Если что-то не заладится, то, думаю, всегда можно вернуться.

Глядя в окно на проносящиеся мимо пейзажи, Пьеро вспоминал этот разговор, и ему было не по себе. Все-таки странно, что тетя столько лет с ними не общалась – целых семь

² Само по себе, по сути (*лат.*).

раз пропустила день его рождения и Рождество, – хотя, может быть, она просто не ладила с мамой, особенно после ее расставания с папой... Но что толку гадать? Пьеро постарался выкинуть тревожные мысли из головы, закрыл глаза, задремал и очнулся, лишь когда в купе вошел какой-то старик и занял последнее, четвертое, место. Пьеро сел прямее, потянулся и зевнул, рассматривая старика. Тот был в длинном черном пальто, черных брюках и белой рубашке; по бокам лица свисали длинные темные пряди. Он, очевидно, плохо ходил, поскольку опирался на трость.

– Ну, знаете, это уже слишком, – сказала дама, сидевшая напротив, закрыла газету и недовольно потрясла головой. Она говорила по-немецки, и что-то в мозгу Пьеро переключилось, и он вспомнил язык, на котором разговаривал с отцом. – Неужели другого места не нашлось?

Старик пожал плечами.

– Мадам, везде занято, – вежливо объяснил он. – А здесь у вас свободное место.

– Нет уж, извиняюсь, – огрызнулась та, – но этот номер не пройдет.

Она встала, вышла из купе и решительно направилась куда-то по коридору. Пьеро заозирался, не понимая, как можно не пускать человека сесть, если есть место. Старик поглядел в окно и тяжело вздохнул. Чемодан на полку он убирать не стал, хотя на сиденье тот очень мешал и ему, и Пьеро.

– Хотите, я помогу? – предложил Пьеро. – Поставлю на полку, хотите?

Пожилый человек улыбнулся.

– Думаю, это будет напрасной тратой времени, – отозвался он. – Но ты очень добрый мальчик.

Дама вернулась с проводником. Тот оглядел купе и ткнул пальцем в старика.

– Ну-ка, ты, – бросил он, – вон отсюда. Постоишь в коридоре.

– Но тут свободно, – вмешался Пьеро. Проводник, наверное, подумал, что с ним едет мама или папа и старик занял их место. – Я один.

– Вон. Сейчас же, – потребовал проводник, словно не услышав Пьеро. – Давай, давай, поднимайся, не то наживешь неприятности.

Старик, не говоря ни слова, встал, крепко уперев палку в пол, взял свой чемодан и с большим достоинством покинул купе.

– Я прошу прощения, мадам, – сказал проводник, поворачиваясь к женщине уже после того, как дверь закрылась.

– Внимательней надо с *этими*, – рявкнула она. – Следить надо! Со мной сын. Почему он должен подвергаться опасности?

– Простите, – повторил проводник, а женщина негодуяще фыркнула с таким видом, словно весь мир задался целью ей досадить.

Пьеро хотел спросить, почему она прогнала старика, но дама была очень грозная – казалось, только пикни, она и тебя вышвырнет. Поэтому он отвернулся к окну, закрыл глаза и вновь задремал. А проснувшись, увидел, что дверь купе открыта и дама с мальчиком снимают с полок багаж.

– Где мы? – спросил Пьеро.

– В Германии. – Дама впервые за все время улыбнулась. – Наконец-то никаких этих мерзких французишек! – Она показала на платформу, где на вывеске, как и на лацкане Пьеро, было написано *Мангейм*. – Похоже, и тебе тут выходить, – добавила она, кивнув на бумажку.

Пьеро вскочил, подхватил вещи и, прошагав по коридору, сошел на платформу.

Пьеро стоял в центре главного вестибюля вокзала, и ему было одиноко и страшно. Куда ни посмотри, всюду, торопясь по своим делам, задевая его, сновали мужчины и женщины. И еще военные. Много-много военных.

Впрочем, в первую очередь Пьеро обратил внимание на то, что люди вокруг говорят на другом языке. Поезд пересек границу, и повсюду звучал немецкий, а не французский, и Пьеро, вслушиваясь и разбирая слова, радовался, что папины уроки не прошли даром. Он выбросил бумажку *Мангейм* в урну и посмотрел, каков следующий пункт назначения.

Мюнхен.

Над расписанием движения поездов висели огромные часы. Пьеро кинулся туда, с разбегу врезался в мужчину, шедшего навстречу, и упал навзничь. Посмотрев вверх, он вобрал взглядом землисто-серую форму, широченный черный ремень, черные сапоги до колен и нашивку на левом рукаве: ломаный крест, а поверх орел, распростерший крылья.

– Извините, – еле слышно пролепетал Пьеро, глядя на мужчину с благоговейным страхом.

Тот посмотрел себе под ноги, но помогать не стал. Вместо этого презрительно скривил губу, чуть приподнял носок сапога, наступил мальчику на пальцы и придавил их к полу.

– Мне больно! – закричал Пьеро, чувствуя, что мужчина давит все сильнее; в пальцах уже пульсировала кровь. Он еще ни разу не видел, чтобы кому-нибудь так нравилось причинять боль. А пассажиры, спешившие мимо, все замечали, но не вмешивались.

– Вот ты где, Ральф. – К ним внезапно подошла женщина с маленьким мальчиком на руках. Позади нее стояла девочка лет пяти. – Прости, пожалуйста, но Бруно хотел посмотреть паровозы, и мы чуть было тебя не потеряли. Ой, а что тут такое? – спросила она.

Мужчина, убрав ногу, улыбнулся и помог Пьеро подняться.

– Ребенок носится сломя голову, а куда – не смотрит. – Он пожал плечами. – Чуть не сбил меня.

– Какая на нем старая одежда. – Девочка смерила Пьеро неприязненным взглядом.

– Гретель, сколько раз повторять: так говорить некрасиво, – нахмурившись, укорила мать.

– И от него пахнет.

– Гретель!

– Пошли? – Мужчина посмотрел на часы, и его жена кивнула.

Они зашагали прочь. Пьеро, глядя в их удаляющиеся спины, растирал онемевшие пальцы. Малыш между тем повернулся в руках матери и помаhal на прощанье. Пьеро встретился с ним взглядом и, несмотря на боль в костяшках, невольно улыбнулся и помаhal в ответ. Семейство растворилось в толпе, а отовсюду вдруг понеслись свистки. Нужно срочно найти свой поезд, засуетился Пьеро, а то застряну в этом вашем Мангейме.

Судя по расписанию, поезд отбывал с минуты на минуту. Пьеро опрометью полетел на третью платформу и вскочил в вагон, когда проводник уже захлопывал двери. Ехать до Мюнхена было целых три часа, а радость от путешествия уже выветрилась, причем окончательно и бесповоротно.

Состав, в клубах шума и пара, содрогнулся и пришел в движение. Пьеро в открытое окно смотрел, как женщина с шарфом на голове бежит, волоча чемодан, и кричит машинисту: «Стойте, стойте!» Трое солдат, стоявшие на платформе тесной кучкой, стали над ней потешаться, она поставила чемодан и обругала их, тогда один солдат вывернул ей руку за спину. Пьеро с ужасом наблюдал за ними и успел еще увидеть, как ярость на лице женщины сменилась мукой, но тут кто-то постучал его по плечу, и он резко обернулся.

– Ты что тут делаешь? – спросил проводник. – Билет есть?

Пьеро достал из кармана все бумаги, которые сестры Дюран выдали ему при отъезде из приюта. Проводник принялся небрежно их листать, водил по строчкам пальцами, испачканными в чернилах, и беззвучно шевелил губами. От него несло табаком, и Пьеро слегка затошнило от неприятного запаха и мерного покачивания поезда.

– Порядок. – Проводник пихнул документы в карман мальчику и всмотрелся в бумажки на его лацкане. – Едешь один?

– Да, мсье.

– Без родителей?

– Да, мсье.

– Тогда вот что: во время движения здесь стоять нельзя. Опасно. Выпадешь – в котлету под колесами превратишься.

Не думай, это не шутки, это случается. А у такого малявки, как ты, шансов и вовсе нету.

Его слова острым ножом вонзились Пьеро в сердце – ведь, в конце концов, именно так и погиб его папа.

– Пойдем-ка. – Мужчина грубо схватил его за плечо и потащил по коридору; Пьеро нес чемодан и сверток с бутербродами. – Все занято, – пробормотал проводник, заглядывая в купе и быстро проходя мимо. Занято оказалось и в следующем. – Занято. Занято. Занято. – Он посмотрел на Пьеро и предупредил: – Места может и не быть. Поезд сегодня под завязку, тебя и посадить-то некуда. Но и стоять всю дорогу до Мюнхена не годится. Вопрос безопасности.

Пьеро молчал. Он не понимал, как тогда быть. Сидеть нельзя и стоять нельзя – а какие еще варианты? Не висеть же в воздухе.

– Вот, – сказал наконец проводник, открыв дверь и заглянув в очередное купе; в коридор хлынули смех и обрывки разговора. – Вот здесь есть куда втиснуться.

Не возражаете, ребята, нет? Тут малец один едет в Мюнхен. Пусть посидит у вас, посмотрите, ладно?

Проводник отступил на шаг в сторону, и Пьеро стало еще страшнее, чем раньше. Пятеро парней четырнадцати-пятнадцати лет, крепко сбитых, светловолосых, с чистой кожей, повернулись и молча воззрились на него, как стая волков, внезапно почуявших добычу.

– Входите, юный мужчина. – Самый высокий парень показал на пустое место между двумя ребятами напротив. – Не бойтесь, мы не кусаемся. – Он вытянул руку и медленно поманил Пьеро к себе; в этом жесте было что-то невероятно злое. Пьеро почувствовал себя крайне неудобно, но, не имея выбора, сел, и через пару минут парни, забыв про него, снова загомонили. Он между двумя рослыми соседями чувствовал себя настоящим лилипутом.

Долгое время он созерцал свои ботинки, но потом, немного освоившись, поднял голову и притворился, будто смотрит в окно, хотя на самом деле разглядывал парня, спавшего, прильнув щекой к стеклу. Как и все они, парень был в форме. Коричневая рубашка, короткие черные штаны, черный галстук, белые гольфы, на рукаве – нашивка-ромбик: снизу и сверху красная, слева и справа белая. Посередине красовался тот же ломаный крест, что и на нарукавной повязке жестокого мужчины с вокзала в Мангейме. Пьеро невольно проникся уважением к соседям по купе и тоже захотел такую форму вместо старья, которое перед отъездом из приюта вернули ему сестры Дюран. Будь он в форме, никакие чужие девчонки ни на каких вокзалах не посмели бы насмеяться над его одеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.